

ИЗЪ СИСТЕМЫ ПРАВСТВЕННОГО БОГОСЛОВІЯ

(Продолженіе) *).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выводы изъ ученія о человѣческой свободѣ и нравственномъ законѣ по отношенію къ существу нравственности и практическому осуществленію ея: формальное и реальное начало или принципъ нравственности.

§ 28. Содержаніе этой главы.—Свобода человѣческой воли и нравственный законъ—это два элемента, изъ которыхъ составляется нравственность. Мы рассмотрѣли ихъ порознь. Теперь соединимъ ихъ, и изъ этого соединенія произведемъ и покажемъ то, что составляетъ сущность нравственности, или, что тоже, верховное начало или принципъ ея. Разсмотримъ это начало сначала съ формальной стороны, а затѣмъ съ реальной или матеріальной. Въ послѣдней и заключается главная сущность нравственности.

А.

Формальное начало нравственности: долгъ и обязанности.

§ 29. Понятіе о долгѣ; измѣняемая сторона въ нравственномъ законѣ.—Свободная воля человѣческая подчинена въ своихъ дѣйствіяхъ нравственному закону. Но мы не исполняемъ закона *непосредственно*. Такъ, т. е. непосредственно, мы испол-

*) См. Труды Киевск. дух. Академіи, изд. и. май 1889 г.

няемъ свой долгъ. Законъ мы исполняемъ чрезъ исполненіе долга. Говорятъ—„мой долгъ“, „я обязанъ исполнить свой долгъ“, но не говорятъ—„мой законъ“, „я обязанъ исполнить свой законъ“. Законъ направленъ на всѣхъ людей, одинаково подчиненныхъ высшей авторитетной силѣ; а долгъ относится къ опредѣленному лицу, къ индивидуальной личности. Долгъ есть признаніе извѣстною личностію и среди извѣстныхъ обстоятельствъ обязательности для нея исполненія предписаній закона. Слѣд., только въ долгъ личная свобода нравственнаго дѣятеля и повелѣвающий ему законъ соединяются во единю. Поэтому-то причинѣ мы назвали долгъ формальнымъ началомъ нравственности и исходящемъ практическаго осуществленія ея. И нельзя думать, что слово „долгъ“ примѣнимо только къ частнымъ дѣйствіямъ человека, но не къ общимъ. Если, напр., я выражаюсь: „на мнѣ лежитъ долгъ исполнять требованія нравственнаго закона или повиноваться закону“, то здѣсь слово долгъ относится ко всѣмъ въ совокупности нравственнымъ заповѣдямъ, ко всему вообще нравственному закону. Если же мы хотимъ выразить отношеніе извѣстнаго человека къ частнымъ предписаніямъ закона, то обыкновенно употребляемъ слово „обязанность“. Долгъ у человека одинъ, а обязанностей много.

Въ силу того, что въ долгѣ и обязанностяхъ нравственный законъ соединяется въ одно съ личной свободой, нравственный законъ подверженъ измѣненіямъ. Измѣненіе его находится въ зависимости какъ отъ различія задачъ, поставленныхъ Богомъ нравственной дѣятельности различныхъ личностей и обществъ, такъ и отъ различія нравственнаго генія или способности различныхъ личностей и обществъ примѣнять общія требованія нравственнаго закона къ частнымъ положеніямъ и случаямъ человѣческой жизни. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства вѣчныя и неизмѣняемыя требованія нравственнаго закона получаютъ индивидуальную печать и содержатъ въ себѣ элементъ измѣняемости. Нравственный дѣятель не относится къ нравственному закону

такъ же непосредственно, какъ копія относится къ своему оригиналу, или какъ физическій предметъ относится къ своему закону. Если, напр., ап. Павелъ внушаетъ римлянамъ испытывать, „что есть воля Божія благая, угодная и совершенная“ ¹⁾; то онъ имѣетъ въ виду побудить ихъ къ испытанію и познанію не только общихъ требованій, которыя относятся одинаково ко всѣмъ и которыя были извѣстны римлянамъ, но и тѣхъ, которыя были поставлены волею Божіей именно имъ, именно въ томъ положеніи, въ которомъ они находились, и при тѣхъ духовныхъ дарахъ, которыми они обладали.

И въ чисто нравственной области „одинъ Господь, но различные дары“. И самая великая нравственная мудрость состоитъ не въ томъ, чтобы знать общія предписанія закона или заповѣди, а въ томъ, чтобы быть изобрѣтательнымъ въ толкованіи и примѣненіи въ жизни этихъ общихъ предписаній. Чтобы показать на библейскихъ примѣрахъ различный складъ нравственной жизни въ силу индивидуальных различій, достаточно указать на Исава и Иакова, Мареу и Марию, апостоловъ Петра и Павла. Если даже въ физической природѣ нѣтъ двухъ листковъ на деревѣ, совершенно схожихъ, то тѣмъ болѣе нѣтъ совершенно схожихъ двухъ дѣйствій человѣческихъ. Для доказательства неустраивимости изъ нравственной жизни индивидуальнаго или личнаго элемента одинъ моралистъ указываетъ на супружескую любовь, это основаніе всякаго нравственнаго общества. „Любовь“, говоритъ онъ, „и въ частности супружеская любовь заповѣдана намъ закономъ; но никакой законъ не можетъ предписать мнѣ, которая именно личность должна быть предметомъ моей супружеской любви. Это уже личная метаморфоза общаго нравственнаго закона“. Тоже можно сказать и о всякомъ нравственномъ дѣйствіи, — хотя въ другихъ случаяхъ индивидуальный элементъ не настолько очевиденъ, какъ въ указан-

¹⁾ Гл. 12, 2.

номъ. Вотъ, напр., законъ заповѣдуетъ намъ жертвовать собою ради другихъ, ради общества. Но онъ не опредѣляетъ всѣхъ частныхъ способовъ и обстоятельствъ пожертвованія; послѣднее зависитъ отъ личности каждаго человѣка: одинъ жертвуетъ соброю какъ воинъ, другой—какъ врачъ, третій—какъ пастырь церкви, четвертый—какъ ученый, пятый—какъ мастеровой и т. д.; въ пожертвованіи собою одинъ умираетъ, въ томъ же пожертвованіи другой борется, иной полагаетъ руку на горящую жаровню, подобно Муцію Сцевольт, и т. д... Каждый дѣйствуетъ сообразно своему индивидуальному положенію въ нравственномъ мірѣ и сообразно своей личной изобрѣтательности. Но это положеніе и эту изобрѣтательность не такъ надобно понимать, будто онѣ противорѣчатъ общему нравственному закону. Противорѣчіе, конечно, возможно; но тогда мы совращаемся съ нравственного пути. Пока же стоимъ на нравственной точкѣ зрѣнія, до тѣхъ поръ не за предѣлами нравственного закона, слѣд., не въ противорѣчіе ему, а *въ нѣдрахъ самаю закона* каждый изъ насъ производитъ, и обязанъ производить, нѣчто отъ себя; каждый обязанъ толковать нравственный законъ въ частныхъ и непредвидѣнныхъ случаяхъ и выискивать средства для примѣненія закона въ этихъ случаяхъ.

§ 30. Ригоризмъ или номизмъ.—Мы видѣли, что въ каждомъ нравственномъ дѣйствіи человѣческомъ должны гармонически сочетаться законъ и свобода. Когда же законъ подавляетъ свободу, или свобода устраняетъ законъ, тогда возникаютъ крайнія и фальшивыя направленія въ нравственной области, извѣстныя подъ именемъ ригоризма или номизма и либертизма или антиномизма. Въ первомъ случаѣ законъ парализуетъ свободу, а во второмъ случаѣ свобода вытѣсняетъ законъ. Разсмотримъ сначала первое направленіе.

Въ языческомъ мірѣ номизмъ господствовалъ у восточныхъ народовъ. Здѣсь человѣчество не дошло еще до осознанія личнаго значенія своего, и потому какъ въ метафизическомъ отношеніи чувствовало себя одоливаемымъ лантеиз-

момъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи не могло произ- водить ничего плодотворнаго отъ себя, но ограничивалось механическимъ исполненіемъ накопившихся съ давнихъ вре- менъ и передаваемыхъ изъ рода въ родъ обрядовъ и пред- писаній. Крайности достигло это направленіе въ Индіи, гдѣ даже нравственною задачею человѣка признавалось уничто- женіе собственной личности и превращеніе себя въ машину ¹⁾. Въ средѣ израильскаго народа номизмъ достигъ крайности въ фарисействѣ. Отрѣшившись отъ духа закона и держась исключительно буквы, фарисеи „оцѣживали комаря, а погло- щали верблюда“, — они уподоблялись „окрашеннымъ гробамъ“, съ виду представляясь „красивыми“, т. е. исполняющими постановленія закона, а внутри „полные костей мертвыхъ и всякой нечистоты“, т. е. съ требованіями святаго закона не сообразующіе душевнаго настроенія и внутренняго со- стоянія своего. Въмѣсто того чтобы черпать изъ единаго чистаго, открытаго для нихъ, источника нравственныхъ зако- новъ, они ввели множество „человѣческихъ постановленій“, въ которыхъ „мысли найти спасеніе“, но которыми способны скорѣе загрязнить душу и удручить бремя закона, чѣмъ об- легчить его и очистить и спасти душу. „Не прикасайся, не вѣшай, не дотрогивайся“ — это самое высшее у нихъ пра- вило нравственной мудрости ²⁾. Остатки этой мудрости мо- жемъ видѣть у современныхъ евреевъ. Напр., они считаютъ грѣхомъ взять въ субботу въ руку мѣдную монету или со- вершить перѣѣздъ въ экипажѣ, — хотя въ то же время не счи- таютъ грѣхомъ обмануть христіанина ³⁾. Въ христіанскомъ мірѣ номистическое направленіе достигло крайности въ іе- зуитизмѣ. Слѣды его можно замѣчать и вообще въ католи- ческой церкви, изобилующей человѣческими постановленіями

¹⁾ Изобрѣтены даже молитвенныя машины.

²⁾ Еванг. 2, 21.

³⁾ Талмудъ воспрещаетъ обманывать только своихъ, т. е. евреевъ, но не христіанъ.

(санкціоноваными, однако, именемъ непогрѣшимого авторитета и неразрывно связанными съ вѣчнымъ спасеніемъ человека), проинвентутой казуистикой (т. е. стремленіемъ предусмотрѣть каждый возможный случай въ человѣческой жизни и дать опредѣленное правило для него) и сильно быющей на вѣшнюю обрядность. Іезуитизмъ, задавшись вѣшной и исключительною цѣлю—покорить совѣсть и сердца всего міра человѣческаго римскому папѣ, вмѣсто того чтобы въ собственномъ сознаніи и чувствахъ каждаго человека возбуждать познаніе истины и добровольную расположенность и стремленіе къ ней, былъ даже неразборчивъ въ средствахъ къ достиженію предуставленной цѣли; онъ оправдывалъ и непохвальныя средства, если этими средствами можно было достигнуть указанной цѣли. Казуистика іезуитовъ состояла главнымъ образомъ въ томъ, чтобы хитросплетенными обсужденіями различныхъ случаевъ жизни освобождать людей отъ строгихъ и тягостныхъ требованій нравственнаго закона, лишь бы удерживать ихъ въ послушаніи іезуитамъ, а чрезъ нихъ—папѣ. Въ протестантской церкви, которая есть реакція католическому ригоризму и номизму, преобладаетъ духъ свободы, личнаго творчества; но и въ ней возникли піетистическія секты съ ригористическимъ и номистическимъ направленіемъ. Театръ, танцы, свѣтская музыка, даже наслажденіе красотою природы и т. п.—все это безъ всякаго ограниченія отнесено къ нравственно непозволительнымъ дѣйствіямъ; все гуманное рѣшительно вытѣснено тѣмъ, что непосредственно носить на себѣ печать благочестія. Древне-фарисейское—„не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся“ и здѣсь получило преобладающее значеніе.

Кто руководствуется въ своей жизни теоріей номизма, тотъ всегда находится „подъ закономъ“, по выраженію апостола, но не „въ законѣ“¹⁾—законъ всегда остается вѣв свободной воли его (и слѣдовательно чувствуется имъ какъ не-

¹⁾ Рим. 3, 19.

удобоносимое бремя) и не переходить въ „законъ свободы“ ¹⁾, въ „законъ духа“ ²⁾. Этимъ путемъ нельзя „дойти до совершенства“, по слову апостола ³⁾,— нельзя достигнуть той праведности, для которой „законъ не лежитъ“ ⁴⁾. Состояніе, очевидно, не евангельское; это возвратъ къ ветхозавѣтному состоянію. Какъ Іисусъ Христосъ, учредившій новый заветъ; соединялъ въ своей личности авторитетъ и благодать, какъ Онъ, съ одной стороны, „исполнилъ законъ“, а съ другой—исцѣлялъ больныхъ въ субботу, защищалъ учениковъ, восторговавшихъ колосы въ праздникъ и т. д., такъ и послѣдователей своихъ Онъ „удоволи“ (т. е. сдѣлалъ способными) „служителямъ быти нову завету, не писмене, но духу; писма бо убиваетъ, а духъ животворитъ“ ⁵⁾. И еще: „нынѣ же, упразднихомся отъ закона, умерше, имже держими бѣхомъ, яко работати намъ Богови вообновленіи духа, а не въ ветхости писмене“ ⁶⁾.

§ 31. Адіафоры (adiaphora).—Гдѣ господствуетъ номистическое направленіе нравственныхъ воззрѣній и нравственной жизни, тамъ неизбежно возникаетъ ученіе, съ одной стороны, о такъ называемыхъ „адіафорахъ“, т. е. нравственно безразличныхъ дѣйствіяхъ, а съ другой стороны—о сверхдолжномъ совершенствѣ (орегатіа supererogatoria). Понимая долгъ въѣшнимъ образомъ и разумѣя подъ именемъ его извѣстное количество заповѣдей и запрещеній, подлежащихъ въ законѣ, помнить, естественно, приходитъ къ тому заключенію, что тѣ дѣйствія, которыя въ откровенномъ законѣ явно ни заповѣданы, ни запрещены, не подходятъ ни подъ категорію добра, ни подъ категорію зла, и слѣдовательно они нравственно безразличны (адіафоры): Такія дѣйствія суть: танцы,

¹⁾ Іак. 1, 25; Гал. 4, 26; 5, 13.

²⁾ Рим. 3, 27.

³⁾ Евр. 7, 19.

⁴⁾ 1 Тим. 1, 9.

⁵⁾ 2 Кор. 3, 6.

⁶⁾ Рим. 7, 6.—

шутки, карточнїя и другїя игры, посѣщенїе театра, наслажденїе свѣтскою музыкой, роскошь въ одеждѣ, пищѣ и питїи и т. п.

Вопросъ объ адіафорахъ не новъ. Еще стояки говорили « „безразличныхъ“ предметахъ, называя этимъ именемъ такіе предметы, которые не имѣють безусловнаго достоинства, и потому человекъ можетъ или стремиться къ нимъ, или вымѣнать ихъ въ ничто (напр., богатство, честь и т. п.). На христіанской почвѣ объ адіафорахъ разсуждали особенно въ средніе вѣка. Защищалъ и доказывалъ состоятельность ихъ главнымъ образомъ Дунсъ Скоттъ. А послѣ Скотта это ученїе было освящено и утверждено авторитетомъ католической церкви, и отступленїе отъ него считалось ересью ¹⁾. Въ XVI вѣкѣ возникъ споръ объ адіафорахъ въ средѣ протестантскихъ богослововъ, вполне разгорѣвшись въ XVIII вѣкѣ. Между тѣмъ какъ піетисты признали театръ, танцы, свѣтскую музыку и т. п. не совмѣстимыми съ призванїемъ христіанина и грѣховными предметами, такъ называемые ортодоксалы ²⁾ смотрѣли на эти предметы какъ на безразличныя въ нравственномъ отношенїи. Но объ спорившія стороны заблуждались. Заблуждались піетисты, такъ какъ производили непримиримое противорѣчіе между царствомъ Божиимъ и царствомъ гуманности и усвоили цѣнность лишь тѣмъ предметамъ и дѣйствїямъ, которые носятъ на себѣ непосредственную печать религіозности. Они не обратили вниманїя на то обстоятельство, что злоупотребленїе міромъ и его благами не исключаетъ возможности правильнаго пользованїя ими, и что задача христіанина состоитъ не въ томъ только, чтобы отречься отъ міра и бѣжать отъ него, но и въ томъ, чтобы облагораживать и возвышать міръ и освящать все ес-

¹⁾ Констанцкій соборъ (въ 15 в.) вынїмъ въ вину осужденному на сожженїе Гуссу, между прочимъ, то, что онъ отвергалъ опера indifferentia.

²⁾ Т. е. богословы, съ буквальной точностію слѣдующїе свѣтолическимъ книгамъ лютеранства.

тественное. Заблуждались и ортодоксалы, такъ какъ отрывали цѣлый рядъ свободныхъ человѣческихъ дѣйствій отъ всякаго отношенія къ совѣсти и къ высшей цѣли жизни, думали, что эти дѣйствія не могутъ быть нормируемы нравственнымъ закономъ и не сообщаютъ человѣку ни достоинства, ни не достоинства. Вопросъ объ адіафорахъ не рѣшенъ окончательно и въ настоящее время. Можно назвать цѣлый рядъ богослововъ-моралистовъ, не допускающихъ возможности нравственно безразличныхъ дѣйствій; но можно назвать рядъ и такихъ богослововъ, которые „не видятъ основанія, почему они должны отрицать нравственно безразличныя отношенія и процессы жизни“. А тѣмъ болѣе на практикѣ предметы эстетическаго наслажденія, дѣйствія, служащія для отдыха и развлеченія, даже всю область культурныхъ произведеній и занятій многіе готовы ставить внѣ всякаго вліянія нравственнаго закона и считать ихъ нравственно безразличными. Есть, вѣроятно, между нами рядъ и такихъ личностей, которыя, подобно піэтистамъ, готовы считать эти предметы вепохвальными и неправственными.—Вопросъ, слѣд., требуетъ тщательнаго обсужденія и анализа.

Прежде всего надобно обратить вниманіе на то обстоятельство, что въ поставленномъ вопросѣ рѣчь идетъ о *человѣческихъ дѣйствіяхъ*, о проявленіяхъ свободной воли, а не *естественныхъ движеніяхъ и процессахъ*. Между тѣмъ въ жизни человѣческой имѣютъ мѣсто и естественные процессы, совершающіеся въ силу физической необходимости, а не нравственной свободы. Если, напр., я зѣваю или чихаю, или если я очищаю носъ съ накопленіемъ въ немъ слизи или плюю съ накопленіемъ во рту слюны, то эти отправленія не могутъ быть вѣнчаны въ заслугу или вину человѣку, они не падаютъ подъ категорію добра или зла, слѣд., они нравственно безразличны. Но даже въ этихъ отправленіяхъ, составляющихъ самую низшую сторону въ проявленіи *человѣческой личности*, можетъ принимать нѣкоторое участіе *человѣческая свобода*, и она обязана управлять ими. Извѣстно,

что эти отправленія должны совершаться *прилично*; а приличіе составляет эстетическую сторону нравственной личности; въ немъ выражается человѣческая свобода, признающая значеніе эстетической стороны, какъ внѣшняго выраженія упорядоченной личности, и подчиняющая первую послѣдней. Къ области приличнаго или къ эстетической сторонѣ нравственной личности принадлежать также походка, осанка, тонъ разговоровъ и рѣчей, одежда, формы обращенія съ другими людьми и т. п. Сами по себѣ, т. е. отрѣшенно отъ цѣлостной личности, они нравственно безразличны; но въ связи съ послѣднею они получаютъ нравственное значеніе, служа выраженіемъ или, такъ сказать, отраженіемъ свойствъ нравственной личности. И кто не знаетъ, что въ походкѣ, тонѣ рѣчей, одеждѣ, обращеніи съ другими и т. д. можно выражать или надменность, гордость, тщеславіе, презрѣніе, или скромность, миролюбіе, кротость? А если и въ указанныхъ движеніяхъ и процессахъ можетъ принимать участіе человѣческая свобода и обязана упорядочивать ихъ согласно высшему или, что тоже, нравственному закону, и, слѣд., уничтожать нравственное безразличіе, то тѣмъ болѣе она, несомнѣнно, имѣетъ мѣсто во всѣхъ видахъ отдыха послѣ трудовъ и развлеченія въ свободное отъ занятій время. Нельзя, конечно, не согласиться, что если одинъ ищетъ развлеченія и отдохновенія послѣ трудовъ на лонѣ природы, другой—на почвѣ человѣческаго искусства, третій въ средѣ человѣческаго общества,—если одинъ избираетъ такой-то путь и мѣсто для прогулки, а другой—иные,—если одному больше нравится музыка, а другому драма,—если одинъ принимаетъ у себя гостей случайно и въ небольшомъ количествѣ, а другой назначаетъ такъ называемые журфиксы и т. д., то все это нравственно безразлично. Но отсюда не слѣдуетъ, что всѣ эти дѣйствія, имѣющія характеръ эстетическій или чисто житейскій, не подлежатъ нравственному обсужденію. Если нравственнымъ закономъ не опредѣляется каждый изъ моментовъ отдыха и развлеченія или всѣ част-

ные виды и способы ихъ, то опредѣляются они въ совокупности своей. Несомнѣнно, что мы обязаны оберегать наши развлеченія отъ примѣси всего нечистаго, и нашъ отдыхъ не продолжать сверхъ мѣры. Мы должны подражать въ данномъ случаѣ разумному воспитателю, который предоставляетъ дѣтей во время игръ самимъ себѣ; не вмешивается въ каждое свободное движеніе ихъ, но въ тоже время зорко слѣдитъ за игрою дѣтей и предотвращаетъ все вредное для нихъ въ игрѣ.

Такимъ образомъ все служащее человѣку для отдыха и развлеченія не безразлично въ нравственномъ отношеніи: оно всегда или нравственно дурно, или нравственно хорошо. Оно дурно, когда причиняетъ ущербъ нравственности, когда эстетически прекрасное находится въ противорѣчій съ нравственнымъ началомъ. И кто не знаетъ, что театральныя представленія, танцы, игры (въ частности карточная игра), балы (особенно маскарады), роскошь въ пищѣ и одеждѣ, бесѣды въ собраніяхъ не рѣдко бываютъ такого свойства, что положительно должны быть запрещены, какъ не согласныя съ нравственнымъ закономъ и разрушающіе нравственную природу человѣка. Или кто не знаетъ, что съ цѣлію отдыха можно предаться такому сну, который много превосходитъ потребность организма. Но если указанныя средства развлеченія и отдохновенія благородны и умѣренны, если они не противорѣчатъ нравственному закону и достоинству человѣка—христіанина, то ихъ слѣдуетъ назвать нравственно благими, такъ какъ они освѣжаютъ нашъ духъ, укрѣпляютъ наши силы для исполненія нашихъ обязанностей, сообщаютъ намъ энергію для снесенія трудовъ. А всему, пособляющему намъ исполнять свои обязанности и переносить труды жизни, принадлежитъ, очевидно, извѣстная степень нравственного достоинства.

Возможны и такіе случаи, когда даже дѣйствія, находящіеся въ непосредственномъ отношеніи къ высочайшей цѣли

человѣческой жизни, являются нравственно безразличными и невѣдѣемыми. Это бываетъ въ состояніи нравственнаго невѣдѣнія, напр., въ жизни малолѣтнихъ дѣтей. Для дитяти, у котораго сознаніе о законѣ и долгѣ неразвито, безразлично многое изъ того, что не безразлично для взрослыхъ и просвѣщенныхъ нравственнымъ сознаніемъ. Но слѣдуетъ не забывать, что гдѣ нѣтъ нравственнаго сознанія, тамъ нѣтъ и нравственной жизни, тамъ не можетъ быть рѣчи о нравственности; здѣсь мы имѣемъ дѣло съ актами до-нравственными. А если такъ, то и рѣчь о нравственно безразличныхъ дѣйствіяхъ теряетъ здѣсь тотъ смыслъ, какой усвоить ей моралисты номистическаго направленія. И въ жизни взрослого человѣка возможны такіе случаи, что сознаніе находится въ томъ или другомъ отношеніи въ состояніи нравственной недоразвитости; ибо весьма многіе изъ насъ, даже всѣ мы въ томъ или другомъ отношеніи находимся еще въ состояніи нравственнаго дѣтства. Въ виду послѣдняго обстоятельства можно бы выразиться въ отвѣтъ на вопросъ о нравственно-безразличныхъ дѣйствіяхъ: нравственно безразличныя дѣйствія *есть*, но ихъ *не должно быть*.

Если обратимся къ священному. Писанію, то найдемъ, что оно даже такіа дѣйствія, какъ ѣда и питье, съ цѣлію поддержанія тѣлеснаго организма, считаетъ небезразличными въ нравственномъ отношеніи: „аще ясте, аще ли пиете, аще ли ино что творите, вса во славу Божию творите“, говоритъ ап. Павелъ ¹⁾. А творить что либо во славу Божию — не значить творить нравственно безразличное дѣйствіе, — это значить творить дѣйствіе нравственно доброе. Въ другомъ посланіи своемъ апостолъ требуетъ все совершать во имя Іисуса Христа: „все еже аще что творите словомъ или дѣломъ, вса (творите) во имя Господа Іисуса Христа, благодарще Бога и Отца тѣмъ“ ²⁾. Въ книгѣ Апокалипсисъ то

¹⁾ Кор. 10 31.

²⁾ Колос. 3, 17.

состояніе, въ которомъ человѣкъ „ни теплъ ни холоденъ“, т. е. безразличенъ, осуждается, какъ нравственно дурное¹⁾. Обсуждая фарисейски—номистическое отношеніе свободной воли къ нравственному закону, свящ. Писаніе требуетъ, чтобы любовь къ добру и стремленіе къ царству Божию проникли до послѣдней глубины души человѣка, и чтобы отсюда онѣ распространялись на всю безъ исключенія жизнь его, на всѣ слова и всѣ движенія его, объединяя ихъ въ одной конечной цѣли и сообщая имъ нравственный характеръ. Жизнь человѣка состоитъ изъ непрерывнаго ряда моментовъ, и каждый изъ этихъ моментовъ, даже самый незначительный, имѣетъ отношеніе къ цѣлому. Будемъ ли разсматривать жизнь въ длину, или въ ширину, т. е. обратимъ ли вниманіе на продолжительность ея или теченіе во времени, или на объемъ ея или расширение въ пространствѣ (т. е. на область дѣятельности), всегда дѣйствуетъ одна и таже нравственная личность, и она всегда и повсюду ищетъ и осуществляетъ указанное Богомъ разумно-свободному существу назначеніе. Хотя нравственныя обязанности не дробятся до такой степени, чтобы каждому моменту и каждому движенію человѣческой жизни соответствовала особая обязанность, но отсюда не слѣдуетъ, что есть моменты и движенія жизни нравственно безразличныя, — предписанія закона замѣняютъ здѣсь нравственное расположеніе и нравственный тактъ; а гдѣ есть нравственное расположеніе и нравственный тактъ, тамъ нѣтъ нравственнаго безразличія.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что о нравственно безразличныхъ дѣйствіяхъ можно говорить лишь въ относительномъ смыслѣ, но не въ безусловномъ. Въ безусловномъ смыслѣ нравственно безразличнымъ было бы такое дѣйствіе, которое ни прямо, ни посредственно, ни въ отдѣльности, ни въ совокупности съ другими дѣйствіями, ни положительно, ни отрицательно, не находилось бы ни въ какомъ отношеніи

¹⁾ Гл. 3, 16 и д..

къ нравственной цѣли или верховному назначенію челоѣка. Но такого дѣйствія нѣтъ, и не должно быть. Какъ всѣ возможныя области челоѣческой жизни—умственная, эстетическая, промышленная, бытовая, государственная, имѣя относительно цѣль свою въ самихъ себѣ, въ тоже время подчинены высшей или нравственной цѣли и служатъ ей, такъ и всѣ дѣйствія челоѣческія, если бы и представлялись намъ въ томъ или другомъ отношеніи, въ томъ или другомъ случаѣ, однимъ словомъ—въ относительномъ смыслѣ нравственно безразличными, то въ концѣ концовъ они не безразличны, такъ какъ находятся въ прямомъ или непрямомъ отношеніи къ нравственной цѣли жизни и должны служить ей. О нравственно безразличныхъ дѣйствіяхъ часто будетъ говорить тотъ, кто въ своей жизни не выдерживаетъ строго нравственной точки зрѣнія,—потому ли, что строгость всеобъемлющаго и абсолютнаго нравственнаго закона представляется ему неудобовосимой, и потому онъ возможно чаще готовъ считать себя стоящимъ внѣ сферы нравственнаго закона, и слѣд., имѣющимъ дѣло съ нравственно безразличными дѣйствіями, или потому, что онъ не въ состояніи постигнуть всѣхъ сторонъ челоѣческихъ дѣйствій и всѣхъ отношеній этихъ дѣйствій къ нравственному назначенію и конечной цѣли челоѣка. Кто же обладает острымъ нравственнымъ взглядомъ, тотъ замѣтитъ, что и въ самыхъ мелочныхъ и, повидимому, самыхъ безразличныхъ нравственныхъ дѣйствіяхъ часто сказывается нравственная особенность и извѣстная нравственная тенденція индивидуума; и слѣд., эти дѣйствія имѣютъ извѣстное отношеніе къ нравственной области. А отсюда слѣдуетъ, что, совершая эти дѣйствія, челоѣкъ совершаетъ не безразличныя въ нравственномъ отношеніи дѣйствія.

§ 32. Вопросъ о „позволенномъ“.—Съ вопросомъ объ адіафорахъ неразрывно связанъ, и даже отчасти совпадаетъ, вопросъ о „позволенномъ“. Область позволеннаго есть прежде всего область тѣхъ эстетическихъ дѣйствій (та-

цевъ, театра, игръ и т. д.), которыя сейчасъ разсмотрѣны нами и которыя пѣтистами считаются грѣховными, другими моралистами — нравственно безразличными, а иными — „позволенными“ (такъ какъ они въ свѣщ. Писаніи ни заповѣданы, ни запрещены). Послѣднимъ именемъ можемъ назвать ихъ и мы. И хотя нельзя сказать, чтобы въ свѣщ. Писаніи обращалось особенное вниманіе и много говорилось о „позволенномъ“, но выраженіе это встрѣчается тамъ. Въ книгѣ Сираха говорится: „Богъ никому не далъ позволенія грѣшить“ ¹⁾. Въ Новомъ Завѣтѣ Іисусъ Христосъ говоритъ: „Моисей по жестокосердію вашему позволилъ вамъ разводиться съ женами вашими“ ²⁾. Ап. Павелъ говоритъ: „вся ми лѣтъ суть“, т. е. все мнѣ позволительно ³⁾. И въ другомъ мѣстѣ: „учить женѣ не позволяю“ ⁴⁾.

Въ предшествующемъ параграфѣ мы уже ограничили область позволеннаго. Именно, признавши позволительными театръ, танцы, свѣтскую музыку, игры и другіе предметы, служащіе для развлечения и отдохновенія, мы въ то же время сказали, что они позволительны на столько, на сколько не зѣкляютъ въ себѣ противонравственныхъ элементовъ въ противномъ случаѣ они становятся непозволительными. Въ настоящемъ же мѣстѣ мы должны сдѣлать новое ограниченіе этой области. Указаніе на необходимость этого новаго ограниченія находимъ въ словахъ апостола: „вся ми лѣтъ суть, *но не вся на пользу*“; т. е., все мнѣ позволительно, но не все полезно ⁵⁾; „вся ми лѣтъ суть, *но не вся назидаютъ*“; т. е., все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ ⁶⁾. Эти

¹⁾ Гл. 15, 21. Въ славянскомъ текстѣ: „не даде ослаби ни единому же согрѣшати“.

²⁾ Мате. 19, 8. Въ слав.: „Моисей по жестокосердію вашему повелѣлъ вамъ пустити жены ваши“.

³⁾ 1 Кор. 6, 12; 10, 23.

⁴⁾ 1 Тим. 2, 12. Въ слав.: „учити женѣ не повелѣваю“.

⁵⁾ 1 Кор. 6, 12.

⁶⁾ Гл. 10, 23.

слова означаютъ слѣдующее: хотя всѣ названные предметы, принадлежащіе къ области позволеннаго, вообще говоря, позволительны, но въ частности, т. е. для известныхъ лицъ, они могутъ быть „не полезны“, — могутъ не „назидать“ человека, а спутывать и портить; и слѣд., они непозволительны. Потому-то лишь съ индивидуальной инстанціи, т. е. смотря по внутреннему состоянію личности, можно рѣшить, въ какой мѣрѣ каждый изъ насъ можетъ принимать участіе въ развлеченіяхъ указаннаго рода, и какъ вообще широка для него область позволеннаго. Что одному позволительно, то другому непозволительно. Кто въ состояніи почти всю ночь провести на балу, и тѣмъ не менѣе въ свое время встать съ постели, приняться за молитву и потомъ за обычные занятія свои по должности (какъ рассказывается, напр., о Сократѣ), тотъ можетъ принять приглашеніе на всенощный почти балъ. Кто же замѣчаетъ, что онъ послѣ безсонной и шумной ночи разстроенъ, что ему надобно долго отдыхать и собираться съ силами, прежде чѣмъ онъ прійдетъ въ себя и въ состояніи будетъ бодро заниматься своими дѣлами, тотъ имѣетъ ясный признакъ того, что хотя устроить балы, вообще говоря, позволительно, но для него лично они „не полезны“, и слѣд. непозволительны. Кто въ состояніи играть въ карты лишь ради развлеченія и подходящаго препровожденія времени въ собраніи, т. е. ради того, чтобы во время отдыха быть занятымъ въ собравшемся обществѣ чѣмъ либо легкимъ, но въ тоже время требующимъ нѣкотораго соображенія и искусства, тотъ можетъ играть, для него игра въ карты не грѣхъ; кто же играетъ съ корыстною цѣлію, или кто увлекается игрою и начинаетъ играть во время, назначенное для серьезныхъ занятій, тому непозволительно играть. „Все ми глѣть суть, но не азъ обладаю буду отъ чего“, говоритъ апостолъ; т. е., все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною¹⁾. Кто умственно

¹⁾ 1 Кор. 6, 12.

и нравственно развитъ на столько, что способенъ понимать оперу или романъ, воспринимать основную идею ихъ и критически относиться къ различнымъ частностямъ, могущимъ увлечь фантазію и чувство зрителя и слушателя или читателя и послужить поводомъ къ соблазну, тотъ можетъ посѣщать театръ и читать романы; кто же развитъ недостаточно, у кого преобладаетъ фантазія, кто способенъ увлекаться, того „не назидаютъ“ эти предметы, и слѣдовательно они непозволительны для него. Кто чувствуетъ въ себѣ избытокъ юношескихъ силъ, для того танцы—подходящее развлеченіе въ собраніи; но танцевать подъ старость—совсѣмъ неподходящее занятіе; слѣд., танцы приличествуютъ юношеству. Чьи шутки и остроты служатъ лишь эстетическою приправою къ бесѣдѣ, и кто въ тоже время помнитъ, что все эстетическое должно быть подчинено нравственному началу и не противорѣчить его законамъ, того шутки и остроты допустимы; чьи же шутки и остроты неблагопріостойны или извѣстны, тому онѣ непозволительны. Послѣдняго сорта шутки и остроты имѣетъ въ виду ап. Павелъ, когда говоритъ: „свернословіе, пустословіе и смѣхотворство не приличны вамъ“¹⁾).

Такимъ образомъ всѣ тѣ развлеченія, которыя или затрудняютъ намъ переходъ отъ нихъ къ занятіямъ нашимъ п) службѣ, или оставляютъ жало въ нашей совѣсти, или дѣлаютъ труднымъ возвратъ отъ нихъ къ тому настроенію духа, которое апостолъ выражаетъ словами—„непрестанно молитесь“, или, вообще, не столько оживляютъ и возбуждаютъ нравственную дѣятельность нашу, сколько тормозятъ и подавляютъ ее,—всѣ такіа развлеченія должны быть признаны непозволительными. Надобно обращать вниманіе при выборѣ предметовъ для отдохновенія и развлеченія на возрастъ, на званіе и состояніе наше, на остальные наши обязанности, которымъ нельзя причинять ущерба, на всю во-

¹⁾ Гл. 5, 4.

обще нравственную задачу нашу. Последнюю-то мы можем имѣть въ виду въ настоящемъ случаѣ, читая слова апостола: „всяко, еже не отъ вѣры грѣхъ есть“ (т. е., „все, что не отъ вѣры, то грѣхъ“) ¹⁾. Комментируя эти слова апостола, одинъ моралистъ говорить: „все то грѣхъ для меня, что вышло не изъ того основнаго убѣжденія, которое должно быть опредѣляющимъ началомъ для всей совокупности моей жизни,—что не находится въ согласіи съ нимъ“.

Но понятіе „позволеннаго“ обвиняетъ не только группу тѣхъ эстетическихъ дѣйствій и наслажденій, которыя выше названы и разсмотрѣны нами, но и широкую сферу *различныхъ способовъ осуществленія* обязанностей (какъ обязанностей работы и труда, такъ и обязанностей покоя и наслажденія), не опредѣляемыхъ съ точностію самими обязанностями или предписаніями закона, но предоставленныхъ личной свободѣ каждаго и совпадающихъ съ правомъ индивидуальнаго фактора по отношенію къ закону, о которомъ мы говорили выше ²⁾. Потому нельзя сказать, какъ утверждаютъ нѣкоторые моралисты, что объемъ „позволеннаго“ находится въ обратномъ отношеніи къ объему обязанностей,—чѣмъ больше нарастаетъ число обязанностей, тѣмъ уже становится объемъ „позволеннаго“, и наоборотъ—съ развитіемъ нравственнаго сознанія и зрѣлостію нравственной жизни кругъ „позволеннаго“ ограничивается. Сотворивши Адама и сообщивши ему заповѣдь о невкусеніи отъ одного изъ деревьевъ рая, Богъ предоставляетъ усмотрѣнію Адама пользованіе остальными деревьями; Адамъ могъ по своему соображенію и выбору вѣсть отъ какаго угодно дерева, и каждое дѣйствіе и наслажденіе его въ этомъ случаѣ будетъ нравственно добрымъ (но не безразличнымъ); это область „позволеннаго“. Еще шире предоставляется Адаму область „позволеннаго“ заповѣдью „объ обладаніи землею и господствомъ надъ всѣми животными“. Заповѣдь

¹⁾ Рим. 14, 23.

²⁾ Стр. 4.

не опредѣляетъ всѣхъ возможныхъ способовъ и видовъ господства надъ животными и обладанія землею; опредѣленіе и выборъ ихъ предоставляются самому Адаму; въ незнанинъ состояніи челоуѣка не было нужды ограничивать его свободу многочисленными заповѣдами. Но послѣ грѣхопаденія явилась необходимость ограничить область позволеннаго и окутать челоуѣческія дѣйствія системою опредѣленныхъ и многочисленныхъ предписаній. Въ Моусеевомъ законѣ съ точностію указывается, какъ челоуѣкъ долженъ относиться въ различныхъ случаяхъ къ природѣ, къ самому себѣ, къ ближнимъ и къ Богу. Но и въ ветхомъ заветѣ была предоставлена челоуѣку извѣстная область „позволеннаго“; достаточно указать на господствовавшую у евреевъ свободу въ бракоразводномъ дѣлѣ. Съ явленіемъ Иисуса Христа и съ насажденіемъ въ челоуѣческомъ родѣ новаго начала жизни снова измѣнился порядокъ вещей; новозавѣтный челоуѣкъ не есть уже рабъ необходимости закона, а свободное чадо Божіе; и потому область „позволеннаго“ снова расширяется. Это не значитъ, что въ новозавѣтное время уменьшенъ объемъ обязанностей,—Иисусъ Христосъ пришелъ „не разрушить законъ“, и въ нагорной бесѣдѣ Онъ даже изощрляетъ и расширяетъ законъ; но это значитъ, что исполненію обязанностей въ новозавѣтное время предоставленъ большій просторъ, что выборъ того или другаго *способа* исполненія обязанностей поставленъ въ болъшую зависимость отъ воли индивидуума.

Нѣкоторые говорятъ, что для дитяти область „позволеннаго“ шире, чѣмъ для взрослого челоуѣка, и на этомъ основанинъ утверждаютъ, что для менѣ развитаго и совершеннаго въ нравственномъ отношеніи челоуѣка область „позволеннаго“ шире, чѣмъ для болѣе развитаго и совершеннаго. Но предположеніе, на когоромъ они строятъ выводы свои, не вѣрно. Если дитяти дозволяется кое-что такое, что не дозволяется взрослому челоуѣку, то и наоборотъ—взрослому дозволяется многое такое, что не позволено дитяти. И

отнюдь нельзя сказать, чтобы дитяти давалось въ распоряженіе и дозволялось больше предметовъ и дѣйствій, чѣмъ сколько дается въ распоряженіе и дозволяется взрослому. Только дозволенное взрослому соответственнѣе зрѣлости и высотѣ нравственнаго характера его. Если, напр., іудеямъ было дозволено разводиться, и, слѣд., въ ветхомъ завѣтѣ повидимому господствовала бѣльшая свобода въ отношеніяхъ между супругами, чѣмъ въ новомъ, то это было сдѣлано „ради жестокосердія“ іудеевъ¹⁾, и это отнюдь не означало, что у іудеевъ въ самомъ дѣлѣ супруги имѣли больше свободы въ отношеніяхъ другъ къ другу, чѣмъ имѣютъ ея въ новомъ завѣтѣ. „Гдѣ супруги вступаютъ въ бракъ нерасторжимый“, объясняетъ одинъ правоучитель (а нерасторжимый, по идеѣ, бракъ новозавѣтный), „тамъ они имѣютъ высшія права въ отношеніяхъ другъ къ другу, тамъ они въ правѣ бѣльшаго . требовать другъ отъ друга, сильнѣе выставлять на видъ право своихъ личныхъ особенностей, бѣльше позволять какъ другому лицу, такъ и себѣ въ отношеніяхъ къ другому, чѣмъ тамъ, гдѣ бракъ есть легко расторгимый договоръ,—подобно тому какъ сынъ въ домѣ отца въ правѣ позволять себѣ бѣльше, чѣмъ рабъ, такъ какъ сынъ нерасторжимѣе связанъ съ семейнымъ домомъ, чѣмъ рабъ; чѣмъ тѣснѣе и крѣпче союзъ, тѣмъ бѣльше взаимное довѣріе и дружба, тѣмъ бѣльше и область позволеннаго“.

Есть у насъ классъ лицъ, именно монашествующихъ и отчасти священнослужителей, которые занимаютъ высокое, по идеѣ, положеніе въ религіозно-нравственной области, но для которыхъ кругъ позволеннаго представляется суженымъ: для нихъ, въ особенности для монашествующихъ, не только предосудительны нѣкоторые мірскіа развлеченій, но и кругъ обязанностей, по крайней мѣрѣ для живущихъ въ монастыряхъ, ограниченъ религіозными интересами. Но

¹⁾ Мате. 19, 8.

монашествующіе и отчасти священнослужители находятся въ исключительномъ положеніи. Принимая монашество изъ подвижническихъ и покаянныхъ мотивовъ, они добровольно отказываются отъ міра, и потому должны выключить изъ своей жизни нѣкоторыя мірскія радости; въ особенности ихъ индивидуальное положеніе заставляетъ сказать съ апостолами: „все мнѣ позволительно, но не все мнѣ полезно, не все меня назидаетъ“. Этотъ же канонъ примѣнимъ и къ индивидуальному положенію священнослужителей. Но отсюда не слѣдуетъ, что для этихъ лицъ не существуетъ области позволеннаго. Если, напр., священнослужителю воспрещается посѣщеніе театра и другихъ публичныхъ увеселеній, то сколько можетъ онъ доставить себѣ высшаго развлечения, высшаго отдохновенія и душевнаго укрѣпленія; напр., изъ личныхъ сношеній съ своими пасомыми, вытекающихъ изъ обязанности его, какъ пастыря словесныхъ стадъ. Мы уже сказали, что каждая новая обязанность открываетъ новую область „позволеннаго“. Или вотъ, напр., монашествующій: онъ заключенъ въ монастырь и по видимому совѣмъ ограниченъ въ области „позволеннаго“. Но если обратимся къ исторіи монашества, то увидимъ, что монашество служило хранителемъ и проводникомъ культуры; а если такъ, то и для него широка область позволеннаго. Разведеніе садовъ, обработка полей, устроеніе пастбищъ, разведеніе рыбы, выдѣлка воска, приготовленіе различныхъ издѣлій изъ дерева, лозы, соломы и т. д., не говоря уже объ устроеніи школъ, открытіи больницъ и другихъ богоугодныхъ заведеній,—все это въ состояніи оживить и разнообразить дѣятельность монашествующихъ и въ тоже время расширить для нихъ область „позволеннаго“.

§ 33. Нравственная аккомодация. — Такъ какъ область „позволеннаго“ есть область индивидуальной свободы, а индивидуальную свободу надобно пользоваться осмотрительно, чтобы не причинить ущерба индивидуальному сознанию и индивидуальной свободѣ ближнихъ, то отсюда вытекаетъ

долгъ нравственной аккомодациі, т. е. приспособленія къ нравственному состоянію ближнихъ. Этотъ долгъ предписываетъ христіанамъ ап. Павелъ, когда говоритъ: „немошняго въ вѣрѣ принимайте безъ споровъ о мнѣніяхъ“ (по-славянски: „изнемогающаго въ вѣрѣ приѣмлите, не въ сомнѣніе помышлений“) ¹⁾; и въ другомъ мѣстѣ: „берегитесь, чтобы свобода ваша не послужила соблазномъ для немошныхъ“ (по-славянски: „блюдите, да не како власть ваша преткновеніе будетъ немошнымъ“) ²⁾. Сюда же относятся слѣдующія мѣста изъ пославій того же апостола: „не станемъ боги судить другъ друга, а лучше судите о томъ, какъ бы не подавать брату случая къ преткновенію или соблазну“ (по-славянски: „не ктому убо другъ друга осуждаемъ; но сіе паче судите, еже не полагати претыканія брату или соблазна“ ³⁾); „все чисто, но худо человѣку, который ѣстъ на соблазнъ“ (по славянски: „вся бо чиста; но зло человѣку претыканіемъ идущему“) ⁴⁾.

Возможны такіе случаи, когда извѣстная среда или извѣстныя личности имѣютъ отличный отъ нашего взглядъ на значеніе извѣстныхъ обрядовъ и обычаевъ, или когда, вообще, нѣкоторые предметы и дѣйствія представляются спорными въ нравственномъ отношеніи. Въ этихъ случаяхъ апостолъ воспрещаетъ одному быть судьей другаго (т. е. судить и презирать другаго), указывая на то, что Господь ведетъ каждаго его особымъ путемъ: „кто ты, осуждающій чужаго раба; предъ своимъ Господомъ стоитъ онъ или падаетъ“ (по-славянски: „ты кто еси судай чуждему рабу; своему Господеву стоитъ или падаетъ“) ⁵⁾. Въ то же время апостолъ заповѣдуетъ разногласіемъ съ братомъ и свободнымъ поведеніемъ въ данныхъ случаяхъ не подавать по-

¹⁾ Римл. гл. 14, 1.

²⁾ Ст. 13.

³⁾ Римл. 14, 4.

⁴⁾ 1 Кор. 8, 9.

⁵⁾ Ст. 20.

вода къ соблазну. Согласно съ этимъ завѣщаніемъ своимъ и поступалъ ап. Павелъ. Такъ, онъ подвергъ себя назорейскому обѣту и принесъ жертву въ іерусалимскомъ храмѣ¹⁾, чтобы показать іудеямъ, среди которыхъ проповѣдывалъ, что онъ честитъ унаслѣдованные отъ отцевъ израильскіе нравы. Онъ же обрѣзалъ помощника своего Тимофея, чтобы его проповѣдь имѣла больше успѣха между іудео-христіанами. Хотя для личности Тимофея ап. Павелъ не усвоилъ никакого значенія обрѣзанію, хотя онъ прямо и ясно учить, что „во Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе“²⁾, но многіе іудео-христіане думали, что съ принятіемъ христіанства надобно соблюдать и еврейскіе обряды, и слѣдовательно съ индивидуальной точки зрѣнія іудео-христіанина обрѣзаніе сохраняло свое значеніе. Однимъ словомъ, „для іудея“ апостолъ былъ „іудеемъ“³⁾. Это не было отреченіемъ апостола отъ своего убѣжденія, а было выраженіемъ любвеобильнаго снисхожденія къ слабостямъ ближнихъ и къ потребностямъ окружающей среды. Вотъ примѣръ положительной аккомодациі. Образецъ ея показалъ и самъ Іисусъ Христосъ, уплотившій дань на храмъ, хотя и назвалъ себя свободнымъ отъ нея.

Возможна и отрицательная аккомодациа. Для примѣра можно сослаться на поведеніе того же апостола по отношенію къ христіанамъ изъ язычниковъ. Нѣкоторые христіане изъ язычниковъ не освобождались, съ принятіемъ христіанства, отъ языческихъ представленій,—они думали, что языческіе боги дѣйствительно существуютъ и оскверняютъ приносимое имъ въ жертву мясо. Вслѣдствіе этого они осуждали тѣхъ христіанъ, которые безъ разбора покупали на рынкѣ или потребляли при угощеніяхъ мясо, сѣдая, такимъ образомъ, и идоложертвенное⁴⁾. Апостолъ былъ свободенъ во взглядахъ своихъ на эти вещи, онъ былъ увѣренъ,

¹⁾ Дѣян. 21, 26.

²⁾ 1 Кор. 9, 20.

³⁾ Гл. 5, 6.

⁴⁾ 1 Кор. 8.

что „идолы суть ничто“ („идолъ ничто же есть въ мірѣ“) ¹⁾, и что, слѣд., покупающіе на рынкѣ или потребляющіе при угощеніяхъ идоложертвенное мясо не оскверняются имъ; но ради слабыхъ въ вѣрѣ онъ готовъ навсегда отказаться отъ употребленія мяса: „яще брашно соблазняетъ брата моего, не имамъ ясти мяса во вѣи, да не соблазну брата моего“ ²⁾.

Обязанность нравственной аккомодациі имѣть мѣсто и въ наше время. Если, напр., обратимся къ жизни нашего деревенскаго народа, то найдемъ тамъ кое-какіе особенные, выработанные временемъ и деревенскою жизнію, религіозно-нравственные обычаи. А тѣмъ болѣе замѣтимъ, что тамъ внѣшней обрядности, даже до мелочей, усвоится огромное значеніе. Если намъ случится попасть въ такую среду, то мы прежде всего должны имѣть въ виду долгъ нравственной аккомодациі. Напр., въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай поститься не только въ среду и пятницу, но и въ понедѣльникъ, или праздновать не только великіе и средніе праздники, но и малые, и не только малые, но даже нѣкоторые дни, неуказанные въ числѣ малыхъ праздниковъ (напр., Козмы и Даміана, Павтелеймона, Онуфрія и др.). Въ нѣкоторыхъ семействахъ высшихъ классовъ общества считается грѣхомъ въ постъ танцовать, ходить въ театръ, даже заниматься свѣтскою музыкой и т. д. Посѣтители названныхъ мѣстностей и указанныхъ семействъ должны приспособляться къ существующимъ тамъ обычаямъ. Или представимъ себѣ, что мы, живя на деревнѣ, или проѣздомъ чрезъ нее, отправились въ деревенскій храмъ. Въ этомъ случаѣ мы должны вести себя совершенно такъ же, какъ ведутъ себя тамъ деревенскіе крестьяне; слѣд., и свѣчку купить, и подойти за полученіемъ антидора (если онъ раздается), и преклонить подъ предносимые чашу и дискосъ голову (если мы заняли мѣсто впереди), и получить елео-

¹⁾ Ст. 4.

²⁾ Ст. 13.

помазаніе на всенощной и т. д. Въ противномъ случаѣ, т. е. если мы начнемъ либеральничать, считая всѣ эти дѣйствія не важными для себя, то окажемся невѣждами въ нравственной аккомодациі и послушимъ на соблазнъ деревенскимъ жителямъ.

Возможно и обратное отношеніе, т. е. временное, въ видѣ исключенія, послабленіе въ нашихъ правилахъ ради ближняго. Подходящій случай описывается въ житіяхъ святыхъ: одинъ подвижникъ ради возвращенія на правый путь заблудившейся личности переодѣлся въ мірское платье, уѣхалъ въ городъ, жилъ въ гостинницѣ (въ которой остановилось заблудившееся лицо), ѣлъ подаваемую въ гостинницѣ пищу и т. п. Аналогичные случаи могутъ имѣть мѣсто и въ настоящее время. Но снисхожденіе къ нравственному состоянію ближнихъ и приваровленіе къ нему не должно переступать границы: съ аккомодативнымъ методомъ долженъ соединяться коррективный методъ; т. е., съ приваровленіемъ должно соединяться исправленіе. Въ противномъ случаѣ мы вредили бы и себѣ, и ближнимъ, къ которымъ принаравливаемся. Если бы, напр., живя среди деревенскаго народа, мы замѣтили какое-либо суевѣріе, или если бы въ средѣ образованнаго общества мы замѣтили нарушеніе какой-либо заповѣди десятисловія, то мы отнюдь не должны принаравливаться къ нимъ. Такъ именно поступать научаетъ насъ ап. Павелъ. (Обрѣзавши Тимоѣея, онъ воспротивился, однако, обрѣзанію Тита¹⁾), доказывая, что „о Христѣ Іисусѣ ни обрѣзаніе что можетъ, ни необрѣзаніе, но вѣра любовію споспѣшествуема“²⁾). Такъ же поступилъ онъ, а совмѣстно съ нимъ и другіе апостолы, когда іудео-христіане принуждали христіанъ изъ язычниковъ соблюдать весь Моисеевъ законъ, и въ частности обрѣзаніе³⁾). Укажемъ случай изъ нашего времени. Недавно въ одномъ большомъ городѣ нашего отечества былъ устроенъ по какому-то случаю парадный обѣдъ. На этотъ обѣдъ былъ приглашенъ и православный епископъ. День былъ

¹⁾ Гал. 2, 3—5.

²⁾ Гл. 5, 6; 6, 15.

³⁾ Дѣян. 15.

Труд. Киев. дух. Акад. Т. II, 1890 г.

постный, а между тѣмъ обѣдъ былъ приготовленъ скоромный. Завидѣвъ скоромную пищу, епископъ заявилъ присутствующимъ, что это дѣло безбожное, и что онъ не можетъ благословить въ постный день скоромную пищу. Съ этими словами вышелъ изъ дома. Этотъ поступокъ епископа, сколь ни рѣзокъ онъ, мы должны признать вполне разумнымъ; снисхожденіе и приравленіе здѣсь не могло имѣть мѣста, такъ какъ здѣсь не только нарушалось постановленіе церкви о постѣ, но и вовлекался въ это нарушеніе самъ представитель церкви, и вызывалось его благословеніе на нарушеніе церковнаго устава; да притомъ нарушеніе церковнаго устава допущено представителями города, и въ оффиціальномъ случаѣ. Снисхожденіе можно оказывать слабымъ въ вѣрѣ, несозрѣвшимъ и непросвѣщеннымъ по уму и совѣсти, но отнюдь не „лжебратіямъ“, по выраженію апостола. А открыто и злонамѣренно вводящіе въ православное общество протестантскіе порядки суть, очевидно, лжебратія.

Печальные примѣры ложной аккомодациі представляетъ поведеніе іезуитскихъ миссіонеровъ. Въ интересѣ завлечь въ христіанство возможно большее число язычниковъ они производятъ безобразное смѣшеніе христіанскихъ и языческихъ элементовъ, и это проповѣдуютъ подъ именемъ христіанской религіи.

§ 34. Сверхдолжное совершенство. Евангельскіе совѣты. — Устранивъ номистическое ученіе объ адіафорахъ, мы доказали этимъ, что въ области свободной воли человѣческой нѣтъ ничего такого, что было бы слишкомъ ничтожнымъ, слишкомъ маловажнымъ, чтобы ему опредѣляться нравственнымъ закономъ или божественною волею. Теперь намъ слѣдуетъ показать, что въ области свободной воли человѣческой нѣтъ ничего такого, что было бы слишкомъ высокимъ, слишкомъ блистательнымъ, чтобы ему подчиняться нравственному закону и опредѣляться имъ. А между тѣмъ номисты-католики допускаютъ послѣднее въ ученіи своемъ о „сверх-

должномъ совершенствѣ" (орегъ supererogatoria). Представляя нравственный законъ въ видѣ известнаго количества заповѣдей, копируемыхъ человекомъ въ своей жизни, они думаютъ, что возможно возвыситься за предѣлы закона, гдѣ начинается сфера чистаго изволенія человека (проще говоря — произвола) и необычайныхъ заслугъ его; здѣсь воля Божія не можетъ предписывать человеку, а только развѣ *„совѣтывать“*. Понятіе добродѣтели и блага, по ихъ ученію, шире понятія закона и долга.

Понятному, эта теорія подтверждается общечеловѣческимъ сознаніемъ. Такъ, напр., говорятъ: „онъ не совершилъ ничего особеннаго, онъ только исполнилъ свой долгъ“¹⁾. Отсюда понятному выходитъ, что дѣйствіе вѣнчается человеку въ заслугу и сообщаетъ ему преимущество лишь въ томъ случаѣ, когда оно превосходитъ обязанность. И въ свѣщ. Писаніи говорится: „егда сотворите вса повелѣнная вамъ, глаголите, яко раби неключими есмы (т. е. ничего не стоящіе): яко, еже должи бѣхомъ сотворити, сотворихомъ“²⁾. Но въ особенностяхъ католики — номисты ссылаются для подтвержденія своей доктрины на различеніе евангельскихъ *заповѣдей* и евангельскихъ *совѣтовъ* (consilia evangelica). Основывая все вообще ученіе о „совѣтахъ“ на приведенномъ сейчасъ мѣстѣ изъ евангелія Луки, они, въ частности, для объясненія нищеты и дѣвства приводятъ известныя мѣста изъ евангелія Луки (гл. 18, 22) и Маттея (гл. 19, 11. 12. 21) и изъ посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ³⁾. На основаніи этихъ мѣстъ и въ нашей православной церкви существуетъ обѣтъ монашества. Но по ученію нашей церкви монахи своими обѣтами не совершаютъ чего-либо сверхдолжнаго; евангельскіе совѣты, по нашему православному ученію, стоятъ не на ряду съ заповѣдями, какъ вѣчто совершенно отличное отъ нихъ, а въ *предѣлахъ* заповѣдей и обязатель-

¹⁾ Лук. 17 10.

²⁾ 1 Кор. 7; 9, 4. 5. 14 — 17,

ства; и, слѣд., они также суть заповѣди, но не для всѣхъ, а для извѣстныхъ личностей, при извѣстныхъ обстоятельствахъ. О евангельскомъ юношѣ, которому Иисусъ Христосъ предлагалъ отказаться отъ имущества и слѣдовать за Нимъ, мы знаемъ, что онъ „опечалился“ и отошелъ отъ Иисуса; посмотрѣвши вслѣдъ отходящаго, Иисусъ Христосъ сказалъ ученикамъ своимъ: „неудобъ богатый видѣть въ царствіе небесное“. Слѣд., исполненіе предложеннаго юношѣ совѣта было для него условіемъ достиженія небеснаго царства; а если такъ, то это не былъ совѣтъ въ обычномъ смыслѣ слова,—а такой совѣтъ, который былъ высказанъ въ смыслѣ заповѣди для юноши. Тоже слѣдуетъ сказать и на счетъ обѣта дѣвства, о которомъ Иисусъ Христосъ сказалъ: „не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имже дано есть; могій вмѣстити, да вмѣститъ“. Выраженіе „дано“ ясно показываетъ, что избраніе брачной или безбрачной жизни не предоставлено произволу человѣка, но должно основываться на индивидуальномъ дарованіи и состояніи каждаго. И слѣд., кому сообщенъ даръ въ безбрачной жизни, но онъ не воспользовался имъ, тотъ долженъ быть обвиненъ подобно лѣнивому рабу, зарывшему свой талантъ. А если такъ, то и совѣтъ дѣвства имѣетъ значеніе заповѣди,—но не для всѣхъ, а для извѣстныхъ лицъ, къ тому призванныхъ. На это обстоятельство и у православныхъ христіанъ не всегда обращается должное вниманіе; слѣдствіемъ чего бываетъ то, что многія лица, получившія даръ къ безбрачной жизни, не поступаютъ въ монашество (считая поступленіе въ него зависящимъ единственно отъ изволенія ихъ, а не отъ повелѣнія Божія, извѣщаемаго индивидуальностію ихъ и обстоятельствами жизни), а многія лица, не получившія этого дара, поступаютъ въ монашество (также считая поступленіе въ монашество зависящимъ отъ ихъ произвола). А мѣсто изъ евангелія Луки (17, 10), въ которомъ говорится о „неключимомъ рабѣ“, неправильно объясняется католическими моралистами. По ихъ толкованію, Иисусъ Христосъ

называется „неключимымъ“, т. е. ничего не стоящимъ, незаслуженнымъ, того христіанина, который совершаетъ только то, что обязанъ совершить; слѣд., говорятъ, христіанинъ можетъ совершить больше того, чѣмъ сколько требуется отъ него обязанностію. На самомъ же дѣлѣ мысль этого евангельскаго мѣста такая: что бы человѣкъ ни совершилъ добраго, онъ долженъ сознавать, что онъ совершилъ только то, что обязанъ былъ совершить; слѣд., онъ не можетъ претендовать на заслугу, на сверхдолжное совершенство и награду. Если же Богъ награждаетъ насъ, то Онъ дѣлаетъ это по милости своей. И мы „неключимые“, т. е. незаслуженные рабы тѣмъ болѣе, что мы грѣшники; слѣд., намъ надлежитъ просить о прощеніи, а не претендовать на награду.

Положительное же опроверженіе католическаго ученія о сверхдолжномъ совершенствѣ и выходящихъ за предѣлы долга евангельскихъ совѣтахъ заключается въ заповѣди о любви, которая есть вѣнецъ закона. Если мы обязаны любить Бога отъ всей души, отъ всего сердца, отъ всего помышленія, то не слѣдуетъ ли отсюда, что все, что бы мы ни совершили благаго, будетъ только исполненіемъ любви; а любовь есть не совѣтъ только, предоставленный изволенію человѣка, а общехристіанская заповѣдь. Слѣдуетъ также припомнить слѣдующіе мѣсто изъ посланія ап. Іакова: „вѣдущему добро творити, и не творящему, грѣхъ ему есть“ ¹⁾. Слѣд., если евангельскіе совѣты „добро“ для кого, то неисполненіе ихъ вѣнчается ему въ вину, оно „грѣхъ“ для него ²⁾. Такимъ образомъ, если кто находится въ такомъ положеніи, что поступленіе въ монашество есть для него безусловно лучшее дѣйствіе изъ всѣхъ возможныхъ, то мы утверждаемъ, что поступленіе въ монашество становится тогда строгою обязанностію для него; если же оно не есть

¹⁾ Гл. 4, 17. ср. Лук. 12, 47.

²⁾ Чит. еще Мате. 5, 46; Марк. 8, 34.

строгая обязанность для него, то потому, что не доказано, что оно есть для него самое лучшее дѣйствіе изъ всѣхъ возможныхъ. Кто жъ не соглашается съ этимъ положеніемъ, тотъ долженъ предположить, что изъ двухъ дѣйствій, изъ которыхъ одно лучшее, а другое худшее, человѣку позволительно избирать худшее.

Для доказательства возможности сверхдолжныхъ дѣйствій ссылаются не только на монашескіе обѣты, но и на нѣкоторые дѣйствія, совершаемыя въ мірѣ; такъ, указываютъ на дѣла самопожертвованія. Дѣла самопожертвованія, говорятъ, высшаго порядка сравнительно съ дѣлами строгого обязательства; самопожертвованіе нельзя назвать строго обязательнымъ,—покрайней мѣрѣ оно не всегда таково. Но кто не знаетъ, что самопожертвованіе воина во время войны, врача во время эпидемической болѣзни, пожарнаго служителя во время пожара строго обязательны? Такими же окажутся и другіе виды самопожертвованія, если хорошенько присмотримся къ нимъ. Вотъ, напр., русскій человѣкъ отправляется добровольцемъ на защиту родственной страны и жертвуетъ жизнію не за свое отечество. Это дѣйствіе, скажутъ намъ, не было обязательнымъ для него; оно есть плодъ лишь доброй воли его. Но мы не колеблясь утверждаемъ, что если это дѣйствіе было для него самымъ лучшимъ въ тотъ моментъ, когда онъ избиралъ и исполнялъ его, то оно было для него строго обязательно. Или вотъ представитель церкви, епископъ или пресвитеръ, рѣшается на героическое самопожертвованіе, смѣло выступаетъ предъ лицо возмущившейся черни и побивается камнями. Не совершается ли здѣсь нѣчто совершенно свободное, не составляющее строгого обязательства для представителя церкви? Или вспомнимъ случай изъ крымской войны. Въ раннее утро великой субботы началось бомбардированіе Одессы. Одесскій соборъ, по словамъ историка Погодина, „осыпается бомбами и ядрами“. Между тѣмъ преосвящ. Иннокентій отправляется въ соборъ и начинаетъ богослуженіе. „Раз-

дается трескъ отъ лопнувшей вблизи непріятельской бомбы“, рассказываетъ очевидецъ, „осколокъ попадаетъ въ куполь собора, все потрясается, стекла сыплются изъ верхнихъ оконъ“. Между тѣмъ преосвящ. Иннокентій „безъ всякаго смущенія или возбужденія“ выходитъ изъ царскихъ вратъ, благославляетъ небольшую группу предстоящихъ и произноситъ „безъ всякой запинки или дрожанія въ голосъ“ успокоительное слово. „Едва ли не всѣ желаютъ прекращенія службы“; но служба не прекращается ¹⁾). Нѣкоторые лица того времени сочли этотъ поступокъ преосвященнаго сверхдолжнымъ и лишнимъ,—даже готовы были упрекнуть его „въ честолюбіи, въ желаніи выставить себя, какъ героя“ ²⁾). Но мы скажемъ, что если на комъ, то въ особенности на пастырѣ церкви лежитъ долгъ самопожертвованія. Слѣд., самопожертвованіемъ пастырѣ церкви отнюдь не совершаетъ чего-либо сверхдолжнаго.

Въ томъ обстоятельствѣ, что воля Божія не всѣхъ обязываетъ къ одному и тому же способу осуществленія ея, и что не всегда сразу ясно бываетъ для каждаго, въ чемъ состоитъ „благая, угодная и совершенная воля Божія“ по отношенію къ нему ³⁾), заключается объясненіе смысла слова „совѣтъ“, въ отличіе отъ слова „заповѣдь“ ⁴⁾). Каждый долженъ въ этомъ случаѣ *совѣтоваться*,—совѣтоваться съ самимъ собою и съ другими;—въ этомъ состоитъ истинный моментъ католическаго ученія. Но это совѣщаніе должно быть направлено не на иное что, а на то, чтобы изслѣдовать волю Божію, которая должна быть исполнена нами въ данномъ случаѣ;—послѣднее обстоятельство не принято во вниманіе католиками. Слѣд., ошибка католическаго ученія состоитъ въ томъ, что оно смѣшиваетъ различные способы примѣненія закона съ самимъ закономъ. Напр., каждый изъ

¹⁾ Чит. Воспоминанія о преосвящ. Иннокентіи въ „Страницы“ 1888 г., к. февраль.

²⁾ Чит. тамъ же.

³⁾ Рим., 12, 2.

⁴⁾ Ср. 1 Кор. 7, 25.

насъ обязанъ жертвовать собою: таковъ общій законъ; но какимъ способомъ каждый изъ насъ долженъ жертвовать собою—это не опредѣляется закономъ, это принадлежитъ области „совѣта“; одинъ жертвуетъ собою такимъ способомъ, а другой инымъ. Но эта область отнюдь не простирается за предѣлы закона и долга, и слѣд. она отнюдь не есть область сверхдолжнаго и сверхзаконнаго; она вращается въ предѣлахъ закона же. Истина католическаго ученія о сверхдолжныхъ дѣйствіяхъ и совѣтахъ, противостоящихъ закону, заключается и въ предчувствіи той истины, что номистическая точка зрѣнія, на которой католики стоятъ во взглядѣ своемъ на нравственность, не есть самая высшая точка зрѣнія,—что должна имѣть мѣсто въ человѣческихъ дѣйствіяхъ и свобода. Но ошибки ихъ состоятъ въ томъ, что они превыше закона выискиваютъ какую то область, которая по содержанію своему является иною, болѣе важною, чѣмъ общій нравственный законъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ содержаніе нравственнаго закона всегда остается однимъ и тѣмъ же; измѣняется только положеніе человѣка къ закону. Высшее положеніе человѣка къ закону есть то, когда законъ исполняютъ не по какимъ либо корыстнымъ побужденіямъ, и не изъ холоднаго только уваженія къ закону, а по свободному влеченію и по любви. Слѣд., ошибка католиковъ состоитъ въ томъ, что они смѣшиваютъ различное положеніе человѣка къ закону съ самимъ закономъ. Однимъ словомъ у католиковъ необходимость и свобода не дошли еще до полнаго единенія. Католики не уразумѣли, что истинная христіанская свобода состоитъ не въ благоусмотрѣніи и произволѣ человѣка, а въ связанности его духомъ Божиимъ. Католики не могутъ освободиться отъ номистической точки зрѣнія, на которой они стоятъ.

Но исправляя католическій взглядъ на евангельскіе совѣты и истекающія отсюда слѣдствія, мы не можемъ оставить безъ исправленія и протестантскій взглядъ на этотъ предметъ. Протестанты не признають монастырей и мона-

стырской жизни; они не хотятъ знать такихъ учрежденій, которыя составляются изъ лицъ, посвятившихъ себя высшей религіозно-нравственной жизни, сдѣлавшихъ заповѣдями для себя евангельскіе „совѣты“, т. е. безбрачіе, нестяжательность и отреченіе отъ своей воли. Но если есть въ средѣ христіанскаго общества такіа лица, которыя по индивидуальнымъ дарованіямъ своимъ способны изъ евангельскихъ совѣтовъ сдѣлать для себя заповѣди, и которыя обстоятельствами жизни, возвыщающими намъ промыслъ Божій въ отношеніи къ каждому, располагаются и направляются въ этотъ путь, то отсюда само собою слѣдуетъ, что эти лица составятъ особый кругъ въ средѣ христіанскаго общества и будутъ жить особыми общинами, въ монастыряхъ. Монастыри не создавались и не создаются искусственно и произвольно; они сами собою возникали вслѣдствіе стремленія нѣкоторыхъ лицъ къ высшей духовной жизни. Такой взглядъ на нихъ подтверждается исторіей. Слѣдовавшіе евангельскимъ совѣтамъ въ началѣ жили разсѣянными, скрываясь въ пустыняхъ, пещерахъ и другихъ уединенныхъ мѣстахъ; впослѣдствіи же, и прежде всего въ силу естественнаго стремленія человека къ сообществу съ подобными себѣ, они соединились въ общины и основали монастыри. А что безбрачной и вообще подвижнической жизни ихъ принадлежитъ высшее нравственное совершенство—это будетъ объяснено и доказано нами впослѣдствіи.

§ 35. Можетъ ли христіанинъ исполнить законъ? Заслуга и награда. — Съ вопросомъ о сверхдолжномъ совершенствѣ связывается вопросъ—можетъ ли христіанинъ исполнить нравственный законъ? Католики, допуская существованіе сверхдолжнаго совершенства, утверждаютъ въ тоже время, что христіанинъ въ сей жизни можетъ вполне исполнить и удовлетворить законъ (*plene satisfacere*). Такой взглядъ разделяется и нѣкоторыми сектами протестантской общины и нашей церкви. Въ основаніе его полагаются слова ап. Іо-

анна: „всякъ рожденный отъ Бога, грѣха не творить“; онъ „не можетъ согрѣшати, яко отъ Бога рожденъ есть“¹⁾).

Но католики могутъ отвѣчать утвердительно на поставленный вопросъ только потому, что они ослабили, съ одной стороны, понятіе нравственнаго идеала и закона, а съ другой—понятіе грѣха. Въ ученіи объ идеалѣ и законѣ они стоятъ, какъ мы знаемъ уже, на номистической точкѣ зрѣнія, а въ ученіи о грѣхѣ склоняются къ той рационалистической теоріи, по которой грѣхъ имѣетъ сѣдалище въ чувственности или плоти. Воспользовавшись услугами этой теоріи, они допускаютъ *мнимую* похотливость и *мнимую* грѣховность, т. е. такую похотливость и грѣховность, въ которыхъ не участвуетъ и которыми не оскверняется воля. По нашему же ученію, для совершенной святости, или, что то же, для совершеннаго исполненія нравственнаго закона человѣку необходимо совершенно преобразиться по тѣлу и душѣ, необходимо получить новый душевно-тѣлесный организмъ.

А если ап. Іоаннъ говоритъ о рожденномъ отъ Бога, что онъ „не творить грѣха“, то онъ говоритъ также: „аще речемъ, яко грѣха не имамы, себе прелцаемъ, и истину имѣть въ насъ“²⁾. Иисусъ Христосъ научилъ всѣхъ насъ всегда молиться—„остави вамъ долги наша“. Рожденный отъ Бога, т. е. находящійся въ союзѣ и общеніи съ Богомъ, „не творить грѣха“ въ томъ смыслѣ, что онъ не проводитъ порочной жизни, что грѣхъ не есть въ немъ господствующее начало.

Если такимъ образомъ въ настоящей жизни человѣкъ не только не можетъ совершить ничего сверхдолжнаго, но и не можетъ вполне исполнить законъ и достигнуть совершенной святости, то отсюда слѣдуетъ, что въ нравственной области, предъ Богомъ, не можетъ быть рѣчи о заслугѣ

¹⁾ Іоан. 3, 9.

²⁾ 1 Іоан. 1, 6. 8.

и награды въ томъ смыслѣ, въ какомъ можетъ быть рѣчь объ этомъ предметѣ въ гражданской области, предъ гражданскимъ закономъ. Здѣсь человекъ, исполнивъ свою обязанность, и даже, быть можетъ, совершивъ больше предписаннаго прямою обязанностию его, въ правѣ требовать платы и награды. Предъ Богомъ же заслуга—съ одной стороны—и плата или награда—съ другой—несоизмѣримы; т. е., Богъ подаетъ намъ изъ милости гораздо больше, чѣмъ сколько мы заслужили; благодатию покрываются многіе недостатки и несовершенства наши. Эта мысль ясно выражена въ притчѣ о работникахъ въ виноградникѣ ¹⁾. Хотя, въ то же время, на нашей сторонѣ должно быть какое либо основаніе для оказанія намъ Богомъ милости, должны быть какія либо данныя, какой либо трудъ, дѣятельность, стремленіе къ совершенству. И эта мысль ясно выражена въ притчѣ о талантахъ ²⁾. И ап. Павелъ говоритъ: „сѣй скудостію, скудостію и пожнетъ; а сѣй о благословеніи (т. е. щедро), о благословеніи и пожнетъ“ ³⁾. Можно говорить и о заслугѣ съ нашей стороны; но эта заслуга далеко неполная, далеко несовершенная,—она восполняется милостію и благодатию Божіей. Одинъ богословъ выразился: „и въ нашихъ добрыхъ дѣлахъ есть вѣчто такое, что нуждается въ прощеніи“.

М. Оленичкій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Матѳ. 20, 1 и др.

²⁾ Лук. 19, 12 и др.

³⁾ 2 Кор. 9, 6.